

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ: ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

РОССИЯ РЕГИОНОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ / ОБЩ. РЕД. В. ГЕЛЬМАН, С. РЫЖЕНКОВ, М. БРИ. М.: ВЕСЬ МИР, 2000.

С момента начала преобразований на территории бывшего СССР тема политической трансформации является определяющей для современной отечественной политологии и социологии. И дело не только в том, что эта проблематика как нельзя более актуальна для сегодняшней России, но и в том, что сама по себе тема очень обширна и в ее рамках исследуется множество разноплановых проблем.

В этом смысле анализ трансформационных процессов в российских регионах представляет особый интерес, поскольку, являясь составными частями единого государства с традиционно централизованной системой политической власти, они осуществляют на практике отличные друг от друга модели политического управления. Это разнообразие путей трансформации российских регионов, безусловно, осложняет осмысление вектора преобразований в России в целом.

Книга «Россия регионов: трансформация политических режимов» представляет собой образец концептуального анализа регионального своеобразия политических изменений. Работа состоит из двух логических частей. В двух первых главах на рассмотрение представлена теоретическая модель трансформации политических режимов, остальные главы представляют собой изложение и анализ результатов сравнительного исследования, проведенного в шести российских регионах и призванного служить примером того, как данная модель применима на практике.*

Наибольший интерес в представленной книге вызовет, без сомнения, авторская концепция трансформации региональных политических режимов, общая логика которой описывается посредством модели «обусловленного пути». Значение разработки подобной модели трудно переоценить: она представляет собой вариант реально работающего инструментария, на основании использования которого возможно описать и объяснить происходящие катаклизмы и разнообразие ва-

* Исследователи осознают все методологические проблемы, связанные с вопросом репрезентативности малой выборки: «У нас нет (по крайней мере, пока) достаточных оснований говорить о безусловности распространения выводов, полученных при изучении политических режимов в шести регионах России, на все или на большинство субъектов Российской Федерации, как и на политическую динамику на национальном уровне (не говоря уже о других странах бывшего СССР)» (С. 333).

риантов развития событий на региональном уровне. На сегодняшний день можно говорить лишь о (более или менее результативных) попытках применить опыт, наработанный при исследовании трансформационных процессов в странах Восточной Европы и Латинской Америки, хотя со временем стало очевидным, что в силу российской специфики это возможно делать в весьма ограниченных пределах. Теоретическая концепция авторов этой книги также основывается на анализе и частичном использовании ряда западных концепций, однако речь идет не об их копировании, а о переосмыслении в соответствии с исследовательскими задачами данной работы.

Исследователи ставили перед собой задачу объяснить широкую диверсификацию результатов политической трансформации в российских регионах: «...почему политическая жизнь в столице и провинциях отличается порой настолько, что можно подумать, что речь идет о разных государствах, почему в соседних областях, сходных по многим социальным, экономическим, демографическим характеристикам, процесс принятия решений или уровень гражданских свобод отличаются, как небо от земли, но при этом практически во всех деталях совпадают с аналогичными явлениями в регионах, отстоящих за тысячи километров и не имеющих внешне ничего общего со своими “близнецами”...» (С. 12). Решение исследовательской задачи было возможно лишь при наличии адекватной модели для анализа трансформационных процессов; модели, которая давала бы возможность рассмотрения динамики политического развития, что являлось определенной методологической проблемой. Для этого авторы операционально определили понятие «политического режима»: разложили его на несколько составляющих, с помощью которых данное понятие могло быть однозначно и адекватно описано применительно к конкретному моменту времени. Таким образом, предмет исследования — политический режим — определяется в данной работе как «совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти» (С. 19). Далее уже существующие модели политических режимов были «переведены» на язык предложенной схемы «акторы – институты – стратегии – ресурсы».

Следует отметить, что введение подобной схемы и набора конкретных переменных неизбежно накладывает определенные ограничения на результаты, которые можно получить в итоге. Во-первых, поскольку не все вышеуказанные переменные взаимозависимы, они, безусловно, могут характеризовать политический режим, но в определенных пределах. Во-вторых, рамки возможного анализа задает и взятая за основу типология политических режимов (а именно: тоталитарные, посттоталитарные и демократические режимы «в духе типологии Х. Линца» (С. 31)).

Так, исходя из имеющейся типологии по результатам исследования можно прийти к выводу, например, что произошел переход к демократии, либо напротив, не к демократии, а к посттоталитарному* режиму*, определение которого само по себе довольно расплывчато. При этом использование таких характеристик, как «стратегии» и «ресурсы», не приблизит нас к пониманию сути посттоталитарного режима; оно может быть релевантным, когда тип и характеристики режима для нас ясны: например, когда в соответствии с предложенной схемой говорится о тоталитарном режиме, указывается на «...использование административных ресурсов и силовых стратегий», о демократическом режиме — на «...использование компромиссных стратегий и комбинации различных ресурсов», так называемый «посттоталитарный режим» определяется через «...использование комбинаций различных ресурсов и стратегий» (С. 31).

Ресурсы в большей степени могут интересовать нас постольку, поскольку накладывают внешние ограничения на деятельность актора: «Различия региональ-

* Это утверждение изначально может вызывать сомнения, поскольку существует довольно распространенная точка зрения, что тоталитарный режим существовал в СССР до смерти Сталина.

ных политических режимов в России советского периода... были связаны главным образом с характеристиками ресурсов данных регионов, впоследствии повлиявшими на конфигурацию и стратегии акторов» (С. 37). Те же ресурсы, которыми обладает и которые использует конкретный актор, скорее всего, не имеют большого значения: главное — действующий субъект, при этом не важно, использует ли он голоса избирателей, свой финансовый капитал или административный капитал.

Что касается стратегий (имеются в виду компромиссные и силовые), то это самая «неуловимая» переменная. С одной стороны, набор стратегий задается как композицией и ресурсами акторов, так и характеристиками институтов политической власти. Однако при том, что может существовать предрасположенность к использованию тех или иных стратегий, их выбор является личным делом актора и может не подчиняться никакой логике. «Следует подчеркнуть, что невозможно априорно установить однозначную связь между типами стратегий и композициями акторов и институтов... В значительной степени выбор стратегий определяется контролем акторов над теми или иными ресурсами, но нет оснований говорить об обусловленности такого выбора» (С. 30).

Отдельно хотелось бы остановиться на рассмотрении взаимосвязи переменных «акторы» — «институты». В рамках данной работы акторы определяются как «субъекты социального действия, обладающие целями, ресурсами и стратегиями для достижения целей» (С. 21) и в качестве акторов рассматриваются лишь субъекты элит. При определении институтов за основу берется подход, распространенный в рамках экономической социологии, и под институтами понимается «совокупность установлений, норм, правил политической деятельности» и далее уточняется: «...именно правила определяют характер игры, устанавливая способы взаимодействия между акторами и вводя ограничения на использование ими ресурсов и стратегий в борьбе за достижение и/или удержание власти» (С. 24).

Как отмечают авторы, соотношение сил акторов отражается в создаваемом институциональном устройстве. Преобладание одного актора определяет выбор в сторону неформальных институциональных практик; напротив, равенство сил акторов (или отсутствие информации о соотношении сил) способствует выбору компромиссных решений, ограничивающих возможность произвольного использования власти — в сторону формальных институтов (С. 26). Сами акторы определяют правила взаимодействия — институты. Однако существует и обратная взаимосвязь. В то время как формальные демократические институты инсталлируются центром, а новые неформальные институты постепенно складываются на основании взаимодействия акторов в новых условиях, продолжают действовать неформальные институты, сложившиеся еще в советское время. Новые институты, даже понимаемые в узком смысле — как правила игры — приходят не на пустое место.*

Трансформация политического режима определяется как «процесс перехода от одного консолидированного режима к другому». «... Важнейшей характеристикой перехода... является *неопределенность* элементов политического режима в процессе перехода» (С. 34). Понятие «неопределенности» позволило авторам переосмыслить характеристики процесса трансформации. Теперь речь идет не о демократическом транзите, а о переходе с неизвестным заранее концом. Для осмысления возможных результатов трансформации необходимо анализировать два ключевых этапа: вхождение в неопределенность и выход из нее.

Предлагая вниманию читателей варианты вхождения в неопределенность и выхода из нее, авторы расписывают все (или почти все) возможные альтернативы развития событий. Сценарии обусловлены количеством действующих акторов и их стратегиями. Инициатива изменений принадлежит либо правящей элите, либо контрэлите; и те, и другие могут использовать как компромиссные стратегии, так и

* Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Академия-Центр, Медиум, 1995.

силовые. Для этапа вхождения в неопределенность предлагается пять возможных вариантов: консервативная реформа (переход без смены элит), пакт, реформа, революция, навязанный переход (С. 39); для этапа выхода — четыре: сообщество элит, победитель получает все, борьба по правилам, война всех против всех (С. 45).

Характер вхождения процесса трансформации политического режима в состояние неопределенности зависит от обстоятельств функционирования прошлого режима и от модели перехода. Однако «управление неопределенностью» и, соответственно, выход из нее «обуславливается не только особенностями прошлого режима и характером его крушения, но и инициативными стратегиями акторов, которые могут вести к росту или к снижению уровня неопределенности» (С. 41). В частности, авторы отмечают, что в России (в отличие от других «навязанных переходов») после крушения прежнего режима неопределенность не снизилась, а приобрела затяжной характер (С. 40). Характеристика «неопределенности» нужна для того, чтобы отграничить тот период времени, когда конкретный вариант развития событий с высокой долей вероятности не может быть спрогнозирован: невозможно предсказать ни то, сколько он будет длиться, ни то, что произойдет в результате (каков будет сценарий выхода из неопределенности). Это происходит потому, что само по себе включение в рассмотрение переменной «стратегии акторов» неизбежно обеспечивает присутствие вариативности в прогнозах. В результате имеется описание того, как в принципе могут развиваться события, но затруднительно (по крайней мере, на данной стадии разработки модели) представить четкую систематизированную причинно-следственную схему.

Однако не следует понимать ситуацию так, как будто нельзя сделать никаких прогнозов. На вхождение в неопределенность и на выход из неопределенности оказывают влияние структурные характеристики (объективные социальные, экономические, демографические, культурные и иные показатели) соответствующих регионов. Влияние структурных характеристик на трансформацию «...проявляется опосредованно, через ресурсную базу регионов. Ресурсы регионов, особенности их размещения в пространстве и управление ими со стороны тех или иных акторов сформировались в позднесоветский период, определив характеристики региональных режимов и систем управления еще до начала перехода. В ходе процесса трансформации эти характеристики создали рамки структуры политических возможностей в регионах, которые если не однозначно обусловили конфигурацию акторов и их стратегии, то, по крайней мере, накладывали существенные ограничения возможных вариантов политического развития» (С. 58–59).

Модель «обусловленного пути» связывает логику развития каждого последующего этапа с результатом окончания предыдущего. От характеристик прошлого режима зависят характеристики политического режима периода неопределенности, а от них, в свою очередь, — сценарий выхода из неопределенности и характеристики нового режима. «В целом “путь” — ход и последствия процесса перехода — был обусловлен двумя основными “точками отсчета”: 1) “советским наследием” — исторически сложившимся главным образом в силу особенностей модернизации и различия ресурсных баз регионов различием позднесоветских региональных режимов и систем управления; 2) характером перехода — взаимодействием акторов и институциональными изменениями в ходе трансформации. Если “советское наследие” задавало рамки возможных вариантов трансформации политических режимов, то характер перехода определял конкретные особенности этого процесса от вхождения в неопределенность до выхода из неопределенности и установления новых политических режимов» (С. 343).

Прогностическая ценность данной модели заключается в том, что на основании сопоставления сценариев и результатов завершившихся переходов можно делать предварительные выводы о перспективах демократизации режимов, в которых переход еще не завершился. «Обусловленный путь» демократизации выглядит следующим образом: автономия акторов прежнего режима и сложившиеся в рамках прежнего режима структурные расколы препятствуют успешному при-

менению акторами силовых стратегий и заведомому преобладанию ресурсов в процессе перехода, что в условиях успешной инсталляции формальных институтов ведет к установлению нового полицентрического режима с преобладанием формальных институтов (С. 355). Поскольку ситуация такова, что «советское наследие» создало противоречивые предпосылки для трансформации (С. 370), то и авторы не дают никаких однозначных ответов относительно демократических перспектив развития России.

Таким образом, модель «обусловленного пути» позволяет дать ответ на основной вопрос исследования о причинах широкой диверсификации региональных политических режимов. Особенностью модели является то, что авторам удалось совместить объяснительные элементы двух разноплановых подходов к исследованию трансформационных процессов, сохраняя при этом единый концептуальный аппарат. Вывод, который напрашивается по прочтении книги, в определенной степени созвучен заключению Р. Патнэма, сделанного им по результатам исследования северных и южных регионов Италии.* Авторы книги показали, что там, где есть структурные предпосылки для конкуренции акторов, быстрее установятся и новые «правила игры». Отсутствие подобных предпосылок создает по меньшей мере сложности для успешного инсталлирования демократических институтов.

Е.А. Орех

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ /
ПОД РЕД. А.В. ДУКИ. СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2001.**

Проблемы анализа и интерпретации политических и экономических ориентаций элитного сообщества Северо-Запада России — тема актуальная, мало исследованная и далеко не простая. Она в определенном отношении носит характер дилеммы воздействия инструмента на объект исследования: мысля себя как часть элиты, исследователь может погрешить против истины, не причисляя себя к ней, он снижает значимость своих выводов. Поиск «степени отстраненности» — задача уже этико-философская, а не собственно социологическая.

При этом сложность процесса исследования еще более возрастает, если учитывать, что на стадии получения эмпирических данных, как в случае рецензируемой работы, используется формализованное интервью в качестве метода сбора первичной социологической информации. Проблема получения и представления адекватного научного результата может быть интерпретирована как вариант «дилеммы заключенного» — в соответствии с которой, как известно, при разовом взаимодействии сторонам (в нашем случае это исследователь и представители элитных групп) выгоднее обманывать при условии, что ваш оппонент использует стратегию сотрудничества.

Рецензируемая коллективная монография является результатом многолетней работы исследовательской группы политической социологии Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (с 2000 г. — Социологического института РАН) под руководством канд. полит. наук А.В. Дуки. Различные этапы иссле-

* Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.